

Сургуладзе Вахтанг Шотович*, кандидат философских наук, ведущий методолог Компании "Р.О.С.Т.У." по стратегическому планированию.

Закономерности и диалектика революционного процесса¹

Революция — социальное бедствие, изучению которого посвящён громадный пласт литературы самых разных областей исследований: истории, социологи и политологи, теоретики и практики посвятили этой теме сотни работ, не говоря об авторах многочисленных мемуаров. И тем не менее каждая эпоха диктует необходимость нового переосмысления этого феномена. Одной из таких попыток стала работа Джека Голдстоуна "Революции. Очень краткое введение".

По мнению Дж. Голдстоуна, революции — достаточно редкое явление, суть которого заключается в реакции общества и элит на репрессии и несправедливые деяния власти. Революция — комплексный феномен, для возникновения которого необходимо сочетание многих факторов. Одним из важнейших условий для начала революционного процесса является слабость и изоляция правителя, когда "элиты нападают на власть, вместо того чтобы её защищать, а люди начинают чувствовать себя частью многочисленной, сплочённой и исполненной правоты группы, способной действовать сообща ради перемен"².

Дж. Голдстоун констатирует, что революции, как правило, вызываются не нищетой, происходят не в самых бедных странах³, а в странах среднего дохода при условии, что представители элит и профессиональные военные не готовы защищать режим⁴. Суммируя приводимые автором причины революций, можно сказать, что отправной точкой революционного процесса выступает утрата властью *легитимности* и доверия в глазах общества, именно этот *идеологический*, мировоззренческий сдвиг приводит к революционной мобилизации. "Если значительная часть элит и различные группы населения вступают в коалицию в борьбе против власти и требуют серьёзных перемен, можно считать, что революция началась"⁵, — пишет автор.

* bafing@mail.ru

¹ Рецензия на книгу: *Голдстоун, Джек А.* Революции. Очень краткое введение / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. 192 с.

² См.: *Голдстоун Дж.А.* Указ. соч. С. 14.

³ См.: *Голдстоун Дж.А.* Указ. соч. С. 23–24. Ср. описание случая Американской революции у Н. Фергюсона: *Фергюсон Н.* Империя: чем современный мир обязан Британии / Пер. с англ. К. Бандуровского. М.: АСТ; CORPUS, 2013. 560 с.

⁴ См.: *Голдстоун Дж.А.* Указ. соч. С. 34. На подобное развитие событий совершенно справедливо рассчитывал Махатма Ганди. См.: *Жордис К.* Махатма Ганди / Пер. с фр. Е.В. Колодочкиной. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2013. 327 с.; *Ганди М.К.* Моя жизнь. М.: Наука, 1969. 612 с.; *Неру Дж.* Автобиография. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 656 с.

⁵ *Голдстоун Дж.А.* Указ. соч. С. 29.

Как это часто бывает с предельно широкими, сложными, обобщающими понятиями, исследователи дают революции разные определения, выделяют те или иные наиболее значимые для развития революционного процесса факторы⁶. Эта многоликость феномена революции в полной мере нашла отражение на страницах книги Дж. Голдстоуна.

Автор старается отделить от понятия "революция" внешне сходные социальные явления, которые ассоциируются с революционным процессом, являются его составной частью, но не могут рассматриваться в качестве таковой. К подобным явлениям относятся крестьянские восстания, хлебные бунты, стачки, общественные движения, государственные перевороты и гражданские войны⁷. По мнению автора, в отличие от хлебных бунтов, стачек и требований, выдвигаемых общественными движениями, основная черта революции — осознанное стремление к смене правительства и изменению государственного строя, а не достаточно ограниченное и конкретное требование помощи со стороны властей. Революция всегда подразумевает под собой мятеж, однако далеко не каждый мятеж несёт с собой революционные изменения: создание новых политических институтов и ориентацию на достижение новых целей социально-экономического развития.

Можно согласиться с автором в том, что при анализе текущих явлений сложно квалифицировать их как революционные. Учитывая трудность ситуационного анализа революционных политических изменений, часто только по последствиям (иногда весьма отдалённым) можно судить о том, что произошло на самом деле. Действительно, придерживаясь этой логики, можно сказать, что октябрьский *переворот* 1917 г. в России действительно был революцией, тогда как "революцию роз" 2003 г. в Грузии вряд ли можно отнести к этой категории. Более того, достаточно часто разнообразные иницируемые и поддерживаемые Западом "цветные революции" — всего лишь эффектно звучащее порождение политического PR'а, так как в самом слове "революция" кроется мощный эмоциональный контекст, благодаря которому даже незначительные и не меняющие коренной основы государственного строя перевороты часто именуются революциями, так как данный термин придаёт им значимости в восприятии людей. В то же время инициаторы революционных процессов могут действительно надеяться на то, что их действия приведут к коренному слоому социально-политического строя.

Для более чёткого структурирования революций Дж. Голдстоун предлагает разделить их на несколько типов: социальные, антиколониальные, демократизирующие, конституционные, коммунистические, антикоммунистические, цветные. К последнему типу автор, в том числе, относит революции на Филиппинах, в Восточной Европе, СССР, на Украине. Однако данное деление не всегда может быть полезно именно в силу уже

⁶ Примечательны в этой связи некоторые "революционные мотивы" в оценках современниками событий итальянского фашизма и германского национал-социализма. См. напр.: *Эрист Генри*. Гитлер над Европой? Гитлер против СССР. М.: Русский раритет, 2004. 488 с.; *Устрялов Н.В.* Германия. В круговороте фашистской свастики. М.: Алгоритм, 2012. 272 с.; *Устрялов Н.В.* Италия — колыбель фашизма. М.: Алгоритм, 2012. 240 с.; *Муссолини Б.* Из автобиографии // Муссолини Б. Любимница кардинала. М.: Алгоритм, 2013. 272 с. С. 129–270.

⁷ О содержании понятий "революция" и "восстание" см., напр.: *Selbin E.* Revolution, Rebellion, Resistance. The Power of Story. London–New York: Zed Books, 2010. 257 p.

отмечавшейся неопределённостью последствий каждого конкретного "революционного происшествия" и наличия многих схожих факторов революционного положения в разных типах революций. Показательно в этой связи, что революции 2011 г. в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии автор классифицирует как арабские, хотя их, с одной стороны можно вполне отнести к категории "цветных", а с другой — поставить вопрос о том, во всех ли перечисленных странах действительно произошли именно революции, а не государственные перевороты. В общем и целом можно сказать, что предлагая подобие классификации революций, Дж. Голдстоун не смог нарисовать целостную картину, и по ходу повествования не придерживается каких-либо чётких критериев революции, часто идёт на поводу "революционности", присвоенной тем или иным социально-политическим процессам западными СМИ.

По мнению автора книги комплексность и сложность революционного процесса приводит к тому, что его очень трудно прогнозировать и как правило, революции оказываются полной неожиданностью для всех, включая правителей, самих революционеров и иностранные державы⁸. Мнимое ощущение стабильности, считает Голдстоун — самое большое препятствие для выявления назревающих в обществе тенденций к революционным переменам, так как "государство может скрывать своё истинное финансовое положение, пока неожиданно не произойдёт его банкротство; элиты, как правило, не афишируют свою нелояльность, пока не возникнет реальная возможность для действия; а группы населения, бурлящие от внутреннего возмущения, скрывают, как далеко они готовы зайти. Нарративы сопротивления могут циркулировать в подполье или тайных ячейках; и пока не начинается революционная борьба, часто неясно, будет ли интервенция иностранных государств направлена на поддержку революции или её подавление. <...> Правители почти всегда недооценивают, насколько несправедливыми они выглядят в глазах населения и как далеко они оттолкнули от себя элиты"⁹.

Дж. Голдстоун выделяет пять достаточно связанных и обуславливающих друг друга элементов, приводящих к неустойчивости социального равновесия:

1. Проблемы в экономических и фискальных сферах, снижающие доходы общества в целом и мешающие поступлению ренты и налогов в распоряжение правительства и элит.
2. Рост отчуждения и оппозиционных настроений среди элит.
3. Нарастающее народное возмущение несправедливостью власти, приводящее к мобилизации масс.
4. Идеология, предлагающая обществу убедительный нарратив сопротивления, который при этом должен представлять собой достаточно утопические и расплывчатые, но эмоциональные обещания лучшей жизни¹⁰.

⁸ См.: Голдстоун Дж.А. Указ. соч. С. 36. Об ощущении Лениным того, что его поколение может и не дожидаться революции см.: Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 30. С. 328. Об общем ощущении неуверенности в успехе даже после октября 1917 г. см., напр.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: ВАГРИУС, 2001. 576 с.

⁹ Голдстоун Дж.А. Указ. соч. С. 35–36, 37.

¹⁰ Ср.: Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 800 с.; Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.

5. Благоприятная международная обстановка — иностранная помощь, поступающая оппозиции в нужный момент, отказ от такой помощи правителю, либо война.

Когда совпадают указанные пять условий, механизмы эволюционного и постепенного восстановления общества прекращают работать и наступает революция. Именно из-за того, что эти факторы достаточно редко совпадают по времени, революция — не столь частое явление мировой истории.

Дж. Голдстоун пытается проанализировать как структурные, так и случайные причины революций. На указанные выше условия развития революционного процесса оказывают влияние следующие структурные факторы: 1) демографическое давление и вызываемые им сдвиги; 2) изменения в системе международных отношений; 3) неравномерное, либо зависимое от других государств экономическое развитие; 4) новые способы вытеснения или дискриминации отдельных групп (этнические, религиозные меньшинства и т. п.); 5) эволюция персоналистских режимов, связанная с ростом коррумпированности, понижением эффективности государственного аппарата и отчуждением от него общества и элит.

Чрезвычайно интересен анализ Дж. Голдстоуна особенностей революционного руководства, представителей которого он совершенно верно делит на мечтателей и организаторов. Первые — лидеры, обладающие видением будущего, готовые неустанно транслировать свои мысли выдающиеся ораторы и писатели, вторые — великие организаторы-практики, создающие новую революционную бюрократию и вырабатывающие необходимые новой власти политические и социальные институты.

К недостаткам книги можно отнести малое количество конкретных примеров, отсутствие наглядных фактов, иллюстрирующих описываемые автором закономерности развития революционного процесса.

Не избежал Дж. Голдстоун и расхожих штампов в оценках социально-политических явлений. Например, характерно не осознаёт дикости утверждений, что когда блок НАТО вступил в войну против Каддафи, ливийские мятежники "получили легитимный статус и начали более эффективную мобилизацию"¹¹. К сожалению, подобные оценки — распространённый пример шаблонности мышления западного научного сообщества, которое настолько привыкло жить в сюрреалистическом мире собственных представлений о либеральной справедливости и порядке, что без тени сомнения может утверждать, что бомбардировщики и крылатые ракеты НАТО определяют легитимность происходящих политических процессов. Когда силовое решение вопроса воспринимается как составная часть легитимности, право сильного становится руководящим принципом. В таком случае речь идёт не о легитимности, а о банальном внешнем давлении на неудобные режимы с целью их дестабилизации и замены другими политическими силами. В этой связи закономерно обращение автора к войне в Сирии и проблеме воздействия третьих стран на революционный процесс. И здесь нельзя не отметить, что именно повсеместное вмешательство Запада и НАТО во внутренние дела других государств показало остальному миру, что сидеть сложа руки больше нельзя. Иран

¹¹ Голдстоун Дж.А. Указ. соч. С. 172.

и Россия просто учли уроки и не стали ждать дальнейшего разгорания пожара дестабилизации. Если бы Запад больше прислушивался к другим и шёл на диалог со всеми заинтересованными сторонами, то он не испытал бы такого удара по своей самооценке и честолюбию, когда в дела Сирии вмешалась Российская Федерация.

Дж. Голдстоун — известный специалист в области изучения революционных преобразований и распада государств¹², однако его попытку создать краткое введение в проблематику революционных сдвигов сложно назвать успешной. Затронув массу интересных и важных для осмысления социально-политических процессов, порождающих революции фактов, автор не смог предложить концептуально стройную и целостную конструкцию.

В то же время, нельзя отрицать, что Дж. Голдстоун предпринял отважную и чрезвычайно сложную попытку кратко изложить суть много-стороннего и неоднозначного феномена.

Несмотря на отмеченные недостатки, книга Дж. Голдстоуна может дать заинтересованному читателю массу указаний к дальнейшим самостоятельным исследованиям. Изучение же революционных процессов в наше время не теряет актуальности, так как внешние силы постоянно пытаются оказывать дестабилизирующее влияние на внутреннее положение суверенных государств.

Ключевые слова: *революция — идеология — мобилизация масс — нарратив сопротивления.*

Keywords: *Revolution — ideology — mobilization of the masses — resistance narrative.*

¹² См. его работы: *Goldstone J.F. Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* Berkeley: University of California Press, 1991. 600 p.; *Голдстоун Джек.* К теории революции четвёртого поколения // Логос. № 5 (56). 2006. С. 58–103; *Голдстоун Дж.* Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850 / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 302 с.